Илья и Соловей-разбойник (2)

Из того ли-то из города из Муромля,
Из того села да с Карачирова,
Выезжал удаленькой дородний добрый молодец,
Он стоял заутрену во Муромли,
А й к обеденке поспеть хотел он в стольнёй Киев-град.
Да й подъехал он ко славному ко городу к Чернигову.
У того ли города Чернигова
Нагнано́-то силушки черны́м-черно,
А й черны́м-черно, как черна во́рона;
Так пехотою никто тут не прохаживат,
На добром кони никто тут не проезживат.
Птица черной ворон не пролетыват,
Серый зверь да не прорыскиват,
А подъехал как ко силушке великоей,
Он как стал-то эту силу великую,
Стал конем топтать да стал копьем колоть,
А й побил он эту силу всю великую.
Ён подъехал-то под славный под Чернигов-град.
Выходили мужички да тут черниговски
И отворяли-то ворота во Чернигов-град,
А й зовут его в Чернигов воеводою.
Говорит-то им Илья да таковы слова:
— Ай же, мужички да вы черниговски!
А нейду к вам во Чернигов воеводою.
Укажите мне дорожку прямоезжую,
Прямоезжую да в стольний Киев-град.
Говорили мужички ему черниговски:
— Ты удаленькой дородний добрый молодец,
Ай ты славныя бога́тырь святоруськии!
Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела дорожка, замуравела,
А й по той ли по дорожке прямоезжою
Да й пехотою никто да не прохаживал,
На добром кони никто да не проезживал:
Как у той ли-то у Грязи-то у Черноей,

Да у той ли у березы у покляпыя,
Да у той ли речки у Смородины,
У того креста у Левонидова,
Си́ди Со́ловей-разбойник во сыром дубу,
Си́ди Со́ловей-разбойник Одихмантьев сын,
А то свищет Соловей до по-соло́вьему,
Ён крычит злодей разбойник по-звериному,
И от него ли-то от посвисту соловьяго,
И от него ли-то от покрику звериного,
То все травушки-мура́вы уплетаются,
Все лазуревы цветочки отсыпаются,
Темны лесушки к земли вси приклоняются,
А что есть людей, то вси мертвы лежат.
Прямоезжею дороженькой пятьсот есть верст,
А й окольноёй дорожкой цела тысяща.
Он спустил добра коня да й богатырского,
Он поехал-то дорожкой прямоезжею.
Ёго добрый конь да богатырскии
С горы на́ гору стал перескакивать,
С холмы на́ холму стал перемахивать,
Мелки реченки, озерка промеж ног спущал.
Подъезжает он ко речке по Смородинки,
Да ко тоей он ко Грязи он ко Черноей,
Да ко тою ко березы ко покляпыя,
К тому славному кресту ко Левонидову.
Засвистал-то Со́ловей да й по-соло́вьему,
Закричал злодей разбойник по-звериному,
Так все травушки-муравы уплеталися,
Да й лазуревы цветочки отсыпалися,
Темны лесушки к земле вси приклонилися,
Его доброй конь да богатырскии
А он на корзни́ да потыкается;
А й как старый-от казак да Илья Муромец
Берет плеточку шелковую в белу руку,
А он бил коня а по крутым ребрам;
Говорил-то он, Илья, да таковы слова:
— Ах ты волчья сыть да й травяной мешок!
Али ты итти не хошь, али нести не мошь?
Что ты на корзни́, собака, потыкаешься?

Не слыхал ли посвисту соловьяго,
Не слыхал ли покрику звериного,
Не видал ли ты ударов богатырскиих?
А й тут старыя казак да Илья Муромец
Да берет-то он свой ту́гой лук розрывчатый,
Во свои берет во белы он во ручушки,
Ён тетивочку шелковенку натягивал,
А он стрелочку каленую накладывал,
То он стрелил в то́го Со́ловья-разбойника,
Ёму выбил право око со косичею.
Ён спустил-то Со́ловья на сыру землю,
Пристянул его ко правому ко стремечки булатнему,
Ён повез его по славну по чисту́ полю,
Мимо гнездышко́ повез да Соловьиное.
Во том гнездышке да Соловьиноем
А случилось быть да и три дочери,
А й три дочери его любимыих;
Бо́льша дочка эта смотрит во окошечко косявчато,
Говорит ёна да таковы слова:
— Едет-то наш батюшко чисты́м полем,
А сидит-то на добро́м кони,
Да везет ён мужичищо-деревенщину,
Да у правого стремени прикована.
Поглядела его дру́га дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
— Едет батюшко роздольицем чисты́м полем
Да й везет он мужичища-деревенщину,
Да й ко правому ко стремени прикована.
Поглядела его меньша дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
— Едет мужичищо-деревенщина,
Да й сидит мужик он на добро́м кони,
Да й везет-то наша батюшка у стремени,
У булатнего у стремени прикована.
Ему выбито-то право око со косичею.
Говорила-то й она да таковы слова:
— Ай же, мужевья наши любимыи!
Вы берите-тко рогатины звериныи,
Да бежите-тко в роздольице чисто́ поле,

Да вы бейте мужичища-деревенщину.
Эти мужевья да их любимыи,
Зятевья-то есть да Соловьиныи,
Похватали как рогатины звериныи,
Да и бежали-то они да й во чисто́ поле
Ко тому ли к мужичищу-деревенщине,
Да хотят убить-то мужичища-деревенщину.
Говорит им Соловей-разбойник Одихмантьев сын:
— Ай же, зятевья мои любимыи,
Побросайте-тко рогатины звериныи,
Вы зовите мужика да деревенщину,
В сво́ё гнездышко зовите Соловьиное,
Да кормите его ествушкой сахарною,
Да вы пойте ёго питьицем медвяныим,
Да й дарите ёму да́ры драгоценные.
Эты зятевья да Соловьиныи
Побросали-то рогатины звериныи
А й зовут-то мужика да й деревенщину
Во то гнездышко да Соловьиное.
Да й мужик-от деревенщина не слушатся,
А он едет-то по славному чисту́ полю,
Прямоезжею дорожкой в стольнёй Киев-град.
Ён приехал-то во славный стольнёй Киев-град
А ко славному ко князю на широкой двор.
А й Владымир-князь он вышел со божьёй церквы,
Он пришел в полату белокаменну,
Во столовую свою во горенку,
Оны сели есть да пить да хлеба кушати,
Хлеба кушати да пообедати.
А й тут старыя казак да Илья Муромец
Становил коня да посерёд двора,
Сам идет он во полаты белокаменны,
Проходил он во столовую во горенку,
На́ пяту он дверь-ту поразмахивал,
Крест-от клал ён по-писа́ному,
Вел поклоны по-уче́ному,
На все на три на четыре на сторонки низко кланялся,
Самому князю́ Владымиру в особину,
Еще всим его князьям он подколенныим.

Тут Владымир-князь стал молодца выспрашивать:
— Ты скажи-тко, ты откулешной, дородний добрый мо́лодец,
Тобе как-то молодца да имене́м зовут,
Звеличают удала́го по отечеству?
Говорил-то старыя казак да Илья Муромец:
— Есть я с славнаго из города из Муромля,
Из того села да с Карачирова,
Есть я старыя казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович!
Говорит ему Владымир таковы слова:
— Ай же, старыя казак да Илья Муромец,
Да й давно ли ты повыехал из Муромля
И которою дороженкой ты ехал в стольнёй Киев-град?
Говорил Илья он таковы слова:
— Ай ты славныя Владымир стольнё-киевской!
Я стоял заутрену христовскую во Муромли,
А й к обеденки поспеть хотел я в стольнёй Киев-град,
То моя дорожка призамешкалась;
А я ехал-то дорожкой прямоезжею,
Прямоезжею дороженкой я ехал мимо-то Чернигов-град,
Ехал мимо эту Грязь да мимо Черную,
Мимо славну реченку Смородину,
Мимо славную березу-то покляпую,
Мимо славный ехал Левонидов крест.
Говорил ёму Владымир таковы слова:
— Ай же, мужичищо-деревенщина,
Во глазах, мужик, да подлыгаешься,
Во глазах, мужик, да насмехаешься!
Как у славнаго у города Чернигова
Нагнано́ тут силы много-множество,
То пехотою никто да не прохаживал,
И на добром коне никто да не проезживал
Туды серый зверь да не прорыскивал,
Птица черный ворон не пролетывал;
А й у той ли-то у Грязи-то у Черноей,
Да у славноёй у речки у Смородины,
А й у той ли у березы у покляпою,
У того креста у Леванидова
Соловей сидит разбойник Одихмантьев сын,

То как свищет Со́ловей да по-соло́вьему,
Как кричит злодей разбойник по-звериному,
То все травушки-муравы уплетаются,
А лазуревы цветки прочь отсыпаются,
Темны лесушки к земли вси приклоняются,
А что есть людей, то вси мертво́ лежат.
Говорил ему Илья да таковы слова:
— Ты Владымир-князь да стольнё-киевской!
Соловей-разбойник на твоем двори,
Ему выбито ведь право око со косичею,
Й он ко стремени булатнему прикованной.
То Владымир-князь-от стольнё-киевской
Он скорешенько ставал да на резвы́ ножки,
Кунью шубоньку накинул на одно плечко́,
То он шапочку соболью на одно ушко,
Он выходит-то на свой-то на широкий двор
Посмотреть на Со́ловья-разбойника.
Говорил-то ведь Владымир-князь да таковы слова:
— Засвищи-тко, Соловей, ты по-соловьему,
Закрычи-тко, собака, по-звериному.
Говорил-то Со́ловей ему разбойник Одихмантьев сын:
— Не у вас-то я сегодня, князь, обедаю,
А не вас-то я хочу да и послушати,
Я обедал-то у старого каза́ка Ильи Муромца,
Да его хочу-то я послушати.
Говорил-то как Владымир-князь да стольнё-киевский:
— Ай же, старыя казак ты Илья Муромец!
Прикажи-тко засвистать ты Со́ловью да й по-соло́вьему,
Прикажи-тко закрычать да по-звериному.
Говорил Илья да таковы слова:
— Ай же, Со́ловей-разбойник Одихмантьев сын!
Засвищи-тко ты во по́л-свисту соловьяго,
Закрычи-тко ты во по́л-крыку зверинаго.
Говорил-то ёму Со́ловей-разбойник Одихмантьев сын:
— Ай же, старыя казак ты Илья Муромец!
Мои раночки кровавы запечатались,
Да не ходят-то мои уста саха́рныи,
Не могу я засвистать да й по-соло́вьему,
Закрычать-то не могу я по-звериному.

А й вели-тко князю ты Владымиру
Налить чару мни да зелена́ вина,
Я повыпью-то как чару зелена́ вина,
Мои раночки кровавы порозо́йдутся,
Да й уста мои сахарни поросхо́дятся,
Да тогда я засвищу да по-соло́вьему,
Да тогда я закрычу да по-звериному.
Говорил Илья-тот князю он Владымиру:
— Ты Владымир-князь да стольнё-киевской!
Ты поди в свою столовую во горенку,
Наливай-ко чару зелена́ вина,
Ты не малую стопу да полтора ведра,
Подноси-тко к Со́ловью к разбойнику.
То Владымир-князь да стольнё-киевской
Он скоренько шел в столову свою горенку,
Наливал он чару зелена́ вина,
Да не малу он стопу да полтора ведра,
Разводил медами он стоялыма,
Приносил-то ён ко Со́ловью-розбойнику.
Соловей-розбойник Одихмантьев сын
Принял чарочку от князя он одной ручко́й,
Выпил чарочку-ту Соловей одны́м духо́м,
Засвистал как Соловей тут по-соло́вьему,
Закрычал разбойник по-звериному,
Маковки на теремах покри́вились,
А око́ленки во теремах рассыпались
От него, от посвисту соловьяго,
А что есть-то людюшок, так вси мертвы́ лежат;
А Владымир-князь-от стольнё-киевской
Куньей шубонькой он укрывается.
А й тут старой-от казак да Илья Муромец
Он скорешенько садился на добра коня,
А й он вез-то Соловья да во чисто́ поле,
Й он срубил ему да буйну голову.
Говорил Илья да таковы слова:
— Тоби полно-тко свистать да по-соло́вьему,
Тоби полно-тко крычать да по-звериному,
Тоби полно-тко слезить да отцей-ма́терей,
Тоби полно-тко вдовить да жен моло́дыих,

Тоби полно-тко спущать-то сиротать да малых детушок.
А тут Соловью ему и славу́ поют,
А й славу́ поют ему век по́ веку.

(Записано А. Ф. Гильфердингом 8 июля 1871 года в Кижах (Заонежье) от Трофима Григорьевича Рябинина, 78 лет.)

Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Изд. 4, М. — Л., т. II, 1950.